

ОНТОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ ТВОРЕНИЯ

С. В. Девятова

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

Поступила в редакцию 27 июня 2016 г.

Аннотация: в статье представлены основные направления разработки христианскими теологами современной доктрины творения, необходимость формирования которой обусловлена развитием мировоззрения и достижениями науки, оказавшими значительное влияние на наши представления о природе и сущности бытия. Особое внимание уделено рассмотрению концепции непрерывного творения, сторонники которой считают творение продолжающимся, реализующимся через взаимодействие закона и случая, что является даром Творца, добровольно ограничившего свое могущество.

Ключевые слова: бытие, творение, случай, свобода воли, эволюция.

Abstract: modern science essentially transformed our idea of world and exercised an influence on the world view of people. In this connection the doctrine of creation became a subject of an active theological discussion. Representatives of different trends elaborates varied concepts of nature and essence of being – from completed fully determinated and controlled in detail by God till the theory of continued creation, which has an ability for the self-development and an element of principal unpredictability and freedom as consequences of voluntary self-limitation of loving Creator.

Key words: being, creation, chance, free of will, evolution.

На протяжении многих тысячелетий человечество пытается проникнуть в тайны мироздания. Этой теме посвящено немало мифов, теологических, философских и научных построений. Постепенно, шаг за шагом люди раскрывали секреты природы и сущности мирового бытия. Грандиозных успехов на этом пути добилась наука за последние полтора столетия. Мы знаем примерный возраст Вселенной и то, что происходило в первые мгновения ее существования. Мы имеем научные сведения о возникновении и эволюции жизни, о появлении человека, общества, культуры. Наука колоссально раздвинула границы наших знаний о действительности, существенно преобразовала наши представления о мире (который теперь рассматривается как целостная, взаимосвязанная, динамичная система, развивающаяся через взаимодействие закона и случая) и оказала значительное воздействие на мировоззрение современного человека.

Всё это не могло не вызвать резонанса со стороны религии, и в первую очередь – христианства, которое на протяжении всей своей истории уделяет проблемам природы и сущности бытия самое серьезное внимание. Сегодня христианскими теологами вопрос ставится в довольно острой форме – не разрушают ли современные научные исследования

христианскую доктрину творения? Результатом активного обсуждения этой проблемы являются многообразные и интересные концепции по проблематике «Творец, творение и современная наука». Объединяет их общий ответ на поставленный вопрос – нет оснований считать науку разрушительным фактором в отношении учения о творении. Конечно, наука оказывает на него определенное влияние, но скорее позитивное, чем негативное. Благодаря ее исследованиям мир предстает перед нами всё более сложноорганизованным, грандиозным и величественным. И такие его характеристики скорее укрепляют веру в Творца, чем разрушают ее, ибо «наличие любой компьютерной программы свидетельствует о существовании программиста» [1, с. 40]. Однако по вопросу о том, какой должна быть современная доктрина творения подобного единства, у теологов нет.

Здесь можно выделить три основных направления.

Приверженцы так называемого антропоцентристского подхода (например, выдающиеся немецкие теологи – католик Г. Кюнг и протестант В. Панненберг) считают, что суть доктрины творения заключается не в описании происхождения и развития мира, а в обосновании идеи о том, что мир обязан своим существованием Богу и о специфическом отношении Бога к человеку. Однако идея ограничения божественной деятельности и теологии только полем человека вызывает серьезные возражения у ее оппонентов, которые замечают, что «не существует отдельной привилегированной сферы разума, к которой Бог имел бы более прямой доступ, чем к материи своего творения». Кроме того, «такой взгляд означал бы, что Вселенная была “на автопилоте” на протяжении пятнадцати миллиардов лет, вплоть до появления существ, обладающих сознанием» [2, с. 78].

Сторонники различных версий креационизма (в частности, сотрудники известного Института креационных исследований, созданного в 1972 г. в США Г. Моррисом) полагают, что в современных научных теориях можно найти аргументы в пользу «классических» взглядов или считают эти теории недостоверными и, соответственно, не видят причин для сколько-нибудь значительных корректировок традиционной доктрины творения. Здесь находятся основания даже для сохранения буквальных дней творения – через идею «творения с возрастом» (ведь именно так был создан человек, и, значит, вполне допустимо распространить подобную творческую стратегию и на весь мир) или через учение о вторичном творении, согласно которому утверждается, что мир творился долго и постепенно, затем был разрушен и заново восстановлен за шесть дней. Приверженцы этого направления продолжают отстаивать идею законченного творения мира, полностью обусловленного и predeterminedного Божественным планом, во всех деталях контролируемого совершенным, всемогущим и всезнающим Богом.

Вместе с тем всё большую популярность среди теологов, особенно протестантских, приобретает идея о необходимости и неотложности существенной модернизации традиционного видения Творца и творения.

Особенно значима здесь деятельность сторонников учения о непрерывном творении, таких как крупнейшие специалисты по проблеме «Религия и наука» – создатель «неоклассической метафизики» американский философ Ч. Хартсхорн, английский теолог и биохимик А. Пикок, английский теолог и физик, член Королевского общества Д. Полкинорн, американский теолог и физик Х. Ролстон, американский теолог и физик И. Барбур и др. Здесь тоже есть свои разветвления, объединенные, однако, установкой на согласование доктрины творения с данными современной науки, на недопустимость игнорирования научной информации, имеющей мировоззренческий характер, что вовсе не исключает возможности и ее критики, и даже ее неприятия. Каковы же фундаментальные положения современной христианской доктрины творения, разрабатываемой в рамках этого направления?

Одной из важнейших составляющих учения о творении является проблема, связанная с ответом на вопрос «откуда мир пришел в бытие?». Здесь отвергается объяснение творения посредством Божественной эманации, поскольку эта концепция ограничивает Божественную волю, представляя появление мира следствием как бы природы Бога, а не его свободного волеизъявления.

Не такое однозначное отношение у сторонников этого направления к доктрине «творения из ничего». Традиционно «творение» понимается в том смысле, что то, чего ранее не было, начинает существовать. Сам мир, функционирующий посредством «вторичных» причин, может производить новые формы, но используя при этом только уже имеющийся «материал». Не случайно Фома Аквинский счел необходимым обратиться к понятию Первой причины, принципиально отличающейся от всех остальных причин и требующей совершенно особого способа познания и понимания. Творение из ничего доступно только Богу. С одной стороны, космос не существовал вечно, с другой – ему ничего не предшествовало. Значит, причиной и источником его бытия может быть только Бог. Итак, акт творения начинается с «ничто», а результат его – «нечто», являющееся воплощением замысла Творца и как таковое зависящее от него, но вместе с тем обладающее и относительной творческой самостоятельностью. Трансцендентный Бог свободно творит, следуя только своей собственной воле. Но всё-таки, что же такое «ничто»? Сторонники доктрины «творения из ничего» полагают возможным рассматривать «ничто» в двух аспектах. Можно трактовать его как «абсолютное несуществование», из которого Божественное всемогущество произвело начальную сингулярность. Можно считать, что «быть ничем» – значит быть недетерминированным, а «быть чем-то» – быть детерминированным. Исходя из этого, можно трактовать «ничто» в смысле еще не-детерминированности вещей, т.е. неопределенности по отношению к тому пути, которым стал развиваться универсум после Большого Взрыва. Не случайно еще в 1951 г. папа Пий XII, выступая в папской Академии наук, говорил о том, что теория расширяющейся Вселенной дала подтверждение существования Создателя. Однако единодушной поддержки это заявле-

ние не получило. Так, Д. Полкинхорн назвал эту одобрительную позицию папы такой же «смущающе превратной, какой была оппозиция его предшественника Урбана VIII идеям Коперника и Галилея [3, с. 66]. Он подчеркивает, что понятие квантового вакуума, используемого в теории Большого Взрыва, существенно отличается от вакуума классического. Квантовый вакуум полон флуктуаций, в нем постоянно идут процессы возникновения и уничтожения частиц. И, как таковой, он ни в коем случае не может быть отождествлен с ничто. Однако, по мнению Д. Полкинхорна, всё это не означает, что мы должны отказаться от идеи «творения из ничего». Творение из ничего подразумевает трансцендентную (направленную извне) творческую деятельность. Следовать этому учению – «значит утверждать, что все существующее зависит, ныне и всегда, от свободно осуществляемой воли Бога... И не будет противоречия в том, чтобы одновременно придерживаться доктрины о непрерывном творении, то есть полагать, что Бог непрестанно ведет творческое взаимодействие с миром. И то, и другое – два полюса божественного творчества, трансцендентный и имманентный» [2, с. 84].

Концепция непрерывного творения реализуется в многообразных вариантах. Но главная идея заключается в том, что творение больше не считается завершенным. Под «творением» предлагается понимать природные и исторические процессы, в ходе которых всё время происходит что-то новое. Здесь подчеркивается, что идея мирового развития присутствует в христианской теологии, по крайней мере, со времен Блаженного Августина, считавшего творение не законченным продуктом, а продолжающимся процессом творческой деятельности Бога. Однако, в силу особенностей культуры и мировоззрения, эти идеи не были восприняты должным образом. Даже наука долгое время придерживалась представлений о статичном характере мироздания. Еще в XVIII в. была широко распространена уходящая корнями в далекое прошлое концепция «Лестницы существ», значительную роль в обосновании которой отводят швейцарскому естествоиспытателю Ш. Бонне, изложившему свои взгляды в книге «Созерцание природы» (1764 г.). Согласно этим представлениям, все объекты природы, в том числе и неживые, выстраиваются в единую, непрерывную лестницу, чья основа – неделимые монады, а вершина – Бог, которому предшествуют ангелы и архангелы. В мире всё едино, гармонично и целесообразно. И так – на веки веков. Данная раз и навсегда, эта «лестница» не допускала никаких изменений в мире.

Однако идея динамичного мира постепенно проникала и в науку, и в мировоззрение. Термин «эволюция» впервые был употреблен в 1677 г. английским юристом и политическим деятелем М. Хэйлом, и уже в конце XVII столетия появились научные идеи об изменчивости живой природы. Пионером здесь был Р. Гук. В конце XVIII в. их развивали Ж. Бюффон, дед Ч. Дарвина – Э. Дарвин. Первая целостная теория эволюции была создана Ж. Б. Ламарком в начале XIX столетия. В ней были заложены представления об изменчивости организмов, постепенном преобразовании видов в новые виды, постепенном их самосовершенствовании

вании. Но, как известно, Ж. Б. Ламарк неверно представлял факторы эволюции: ее движущей силой он считал изначальное стремление природы к прогрессу; полагал, что организмы обладают способностью к саморазвитию независимо от внешней среды, что им присуща способность целесообразно реагировать на изменения внешних условий, что изменения организмов, приобретенные в течение жизни и связанные с употреблением или неупотреблением органа, наследуются. Наконец, решающую роль в утверждении эволюционистских идей в наших представлениях о мире сыграла деятельность Ч. Дарвина. В его теории впервые было дано естественнонаучное, причинное истолкование поражающей воображение целесообразности живого, объяснено многообразие его форм, намечен принципиальный подход к пониманию эволюции форм жизни на Земле. Кроме того, идеи Ч. Дарвина способствовали утверждению в науке исторического мышления, оказали большое влияние на объяснение социально-экономических процессов, на философское мышление в целом.

В астрономии идеи эволюционизма впервые стали использоваться для объяснения происхождения Солнечной системы И. Кантом (1755 г.) и П. Лапласом (1796 г.).

В начале XIX столетия в науках о Земле и ее природном мире почти безраздельно царствовала теория катастроф, разработанная родоначальником палеонтологии Ж. Кювье, впервые использовавшим сам термин «палеонтология». К тому времени уже имелись убедительные данные о многочисленных сменах в прошлом животного и растительного мира Земли. При этом ученые тогда были убеждены, что виды не могут изменяться. Объяснение и было дано Ж. Кювье в его теории катастроф. В 1812 г. он выдвинул гипотезу, согласно которой на Земле за всё время ее существования (в то время считалось, что Земля существует около 100 тысяч лет) периодически происходили катастрофы, во время которых всё живое погибало, а затем возрождалось в иных формах. Эти идеи были поддержаны и развиты французским палеонтологом А. Д'Орбиньи, швейцарским геологом Л. Агассисом и др. Они насчитывали в истории до 27 катастроф. В 1830 г. состоялся знаменитый спор между Ж. Кювье и Э. Жоффруа Сент-Илером, в котором победа осталась за Кювье. В 1830–1833 гг. вышел в свет капитальный труд Ч. Лайеля «Принципы геологии», в котором обосновывалась теория непрерывной, длительной эволюции Земли на основе постоянно действующих (одних и тех же и в прошлом, и в настоящем) геологических факторов (атмосферные осадки, текучие воды, извержения вулканов и др.), а теория катастроф подвергалась резкой критике. Как известно, работа Ч. Лайеля произвела огромное впечатление на Ч. Дарвина, впоследствии писавшего: «Я всегда чувствовал, что мои книги появились наполовину как бы из мозга Лайеля» [4, с. 93]. Следует заметить, что, хотя принципы эволюционизма в дальнейшем утвердились в геологии, а теория катастроф с появлением дарвинизма утратила свой авторитет, но общие идеи, связанные с катастрофами в истории Земли, в той или иной форме обсуждаются и в наше время.

В науке XX в. стало практически общепризнанным положение об эволюционном характере развития мироздания, которое является одной из важнейших компонент современного мировоззрения. Среди западных христианских теологов также нашлось немало сторонников этого положения, наиболее значительная часть которых считают, что эволюционные процессы находятся под контролем трансцендентного Бога. Здесь признается теория эволюции как учение, обосновывающее идею постоянного, поступательного развития мира, возникновения высших форм на основе низших, но категорически отвергается возможность адекватно объяснить такое развитие на основе случайности. Строение атома, сложнейшая структура генов, нуклеиновых кислот, белков, а тем более живых систем, и особенно человека, по мнению немецкого католического теолога Э. Фера, немецкого католического епископа О. Шпюльбека и др., не могут быть случайным продуктом различных комбинаций и процессов. Развитием органического мира, с их точки зрения, несомненно, управляла творческая воля, дававшая направление мутациям и рекомбинациям, обеспечивающим генетический механизм. То есть Бог направляет процесс развития, вводя в его различные периоды «творческую силу», «загадочный импульс» и т.п. Более того, некоторые теологи полагают, что, контролируя ход мировой эволюции, Бог предоставляет возможность совершенствоваться наилучшим формам, устраняя формы нежелательные, и в связи с этим даже считают уместным использовать термин «сверхъестественный отбор».

Кроме того, разве может сам факт наличия универсума, способного произвести разумную жизнь, считаться результатом «слепого случая»? Благодаря достижениям науки мы знаем, что параметры универсума являются очень тонко сбалансированными и именно такая «подогнанность» ряда его характеристик создала возможность для появления и самой Земли, и жизни, и высокоорганизованных существ. Сторонники вышеприведенных взглядов, сочетающих при истолковании природы мироздания идеи эволюционизма и Божественного плана, контроля и «корректировки», видят в этом очевидное свидетельство изначальной «заданности» Богом – творческим началом бытия – мировых параметров. Здесь утверждается, что мир был заранее спланирован таким образом, чтобы он мог развиваться именно тем путем, каким это происходило в действительности. И таким «дизайнером», запланировавшим и «вызвавшим мир в бытие», мог быть только тот, кто сам радикально отличается от этого мира и онтологически предшествует ему, – Бог.

Но в последние десятилетия растет количество христианских «теологов-эволюционистов», считающих подобные взгляды не только ограниченными, но и неадекватными. Здесь обращается внимание на то, что они, по сути, обращаются к старой, уже, очевидно, неоправдавшей себя стратегии «Бога пробелов». Кроме того, не могут быть признаны достаточно удачными и различные варианты теории «Божественного вмешательства» в мироздание, на каком бы уровне и в какой бы период его бытия это ни происходило, поскольку это подразумевает нарушение Богом

им же установленных законов и вызывает сомнения в рациональности и надежности не только принципов мироустройства, но и самого их источника. Наконец, не теряет актуальности и традиционный моральный аспект концепции «вмешательства» – почему Бог, будучи в состоянии воздействовать на ход мировых событий и предотвратить природные и социальные бедствия, этого не делает?

Коль скоро Бог не может больше рассматриваться как внешняя по отношению к универсуму причина, меняющая ход событий, отводящая от людей неприятности, помогающая им находить выход из безвыходных ситуаций, то решение проблемы «Творец и творение» предлагается искать в несколько иной плоскости. Гораздо более продуктивным и перспективным считается предположение, что Бог, будучи созидающим источником, наделил космос бесчисленными потенциальными возможностями. Однако далеко не все эти возможности смогут реализоваться в ходе развития мироздания. От чего же зависит смена статуса «потенциальный» на «актуальный»?

На протяжении тысячелетий управляемый законами, упорядоченный мир противопоставлялся хаосу, в котором царствует случай. И вплоть до сравнительно недавнего времени случай расценивался как синоним иррациональности, которому нет места в детерминированном мире. Укреплению такого подхода содействовало и традиционное христианское положение о необходимости и вечности отношения Бога с миром, который является воплощением Божественной цели, и как таковой не может допускать случайности, неопределенности, иррациональности.

Положение начинает меняться с XVII в. В работах Х. Гюйгенса, Б. Паскаля, П. Ферма закладываются основы теории вероятности. С развитием социальной статистики, в котором фундаментальную роль сыграл А. Кетле, вероятностные идеи начали свое вхождение в физику и химию. В середине XIX столетия Г. Мендель впервые применил вероятностные идеи в биологии. Французский математик А. Курно предложил трактовать случайные события как результат пересечения причинных цепей, изначально не связанных друг с другом. В этом случае причинность не отрицается, но, поскольку нет связи между отдельными причинными линиями, мы не можем заранее точно предсказать осуществление события. Таким образом, в мире случайно действующих причин любое событие будет содержать элемент случая, и знания причин оказывается недостаточно, чтобы предвидеть, какой из возможных эффектов они произведут. Но мир в целом продолжал рассматриваться как жестко, однозначно детерминированный. Наука XX в. радикально преобразовала и этот аспект картины мира, доказав, что компонента случайности буквально пронизывает всё мироздание и является его объективной характеристикой. Мы теперь отчетливо осознаем, что в развитии универсума, жизни, личности реализуется взаимодействие случая и необходимости.

А не настолько ли сильна эта «объективность» случайности, непредсказуемости в мире, чтобы быть реальной даже для ее Создателя? Оказывается, что такой «крамольный» вопрос уже несколько десятилетий

активно обсуждается в западной христианской теологии. И теперь существует направление (его приверженцами являются и А. Пикок, и Д. Полкинхорн), сторонники которого полагают, что Бог не является ни всезнающим, ни всемогущим, ни даже совершенным, по крайней мере, в том смысле, который мы обычно вкладываем в эти понятия. Обосновывается это следующим образом. Творец добровольно наложил ограничение на свое всеведение, введя в универсум не только закон, но и случай, обусловивший принципиальную непредсказуемость определенных видов процессов не только для людей, но и для него самого. Можно сказать, что Создатель наполнил мир самыми разнообразными возможностями, а случай дает некоторым из этих возможностей реализоваться. «В такой интерпретации будущее не существует даже для Бога. Бог творит каждое мгновение физического времени с открытым различным вариантам, еще неопределенным исходом, который богат разнообразными возможностями, еще не актуализированными» [5, с. 149]. И воздействовать на ход событий не может даже Бог, тем самым ограничивший и свое всемогущество.

Принципиально значима для сторонников этих представлений одна из важнейших установок христианства – «Бог есть любовь». Именно из любви к своему творению, во имя любви к человеку Бог совершил эти акты самоограничения, наделив мир способностью к саморазвитию, а человека – свободой воли. Для мыслящей личности нет большей ценности, чем свобода. Дав человеку эту свободу, Бог пошел не только на самоограничения, но даже на риск. Ибо обладающее свободой воли существо получило возможность не только воплощать ценности, но и отклоняться от интенций Творца. И такое отклонение вызывает переживания и страдания Бога, ибо, будучи личностным началом, он не является индифферентным, бесчувственным.

Кроме того, как справедливо отмечают английский теолог Д. Стэнсбай, Д. Полкинхорн и др., любящий пристрастен к объекту своей любви, ему небезразлична реакция на его любовь, т.е. тот, кто любит, «уязвим к ответу того, кого он любит» [6, с. 130].

Подобные идеи, по мнению их адептов, делают наши представления о Творце более глубокими и основательными. Человек не сомневается в любви того, кто готов ради него поступиться собственными желаниями, интересами и т.п. И мы можем считать самоограничение Создателя проявлением любви – неотъемлемой характеристики Творца.

Таким образом, согласно представлениям сторонников учения о непрерывном творении, христианская теология, сохранив «веру в благость Божественной воли», должна «скорректировать свое понимание Божественного всемогущества. Бог может всё, что согласно с его Божественной волей, но создание мира как кукольного театра, шло бы вразрез с его волей» [7, с. 105]. Человек, наделенный свободой воли и сознанием и являющийся частью способного к саморазвитию мира, может рассматриваться как соучастник Бога в творческом процессе. И как таковой, он должен выполнить поистине грандиозную миссию – осуществлять это

со-творение, не нарушая гармонии мироздания, что возможно лишь при совершенствовании научных знаний, соединенном с чувством благоговения и ответственности.

Литература

1. *Rolston H. Science and Religion* / H. Rolston. – N.Y. : Random House, 1987. – 358 p.
2. *Полкинхорн Д. Вера глазами физика* / Д. Полкинхорн ; пер. с англ. С. Тимофеева, Л. Василенко. – М. : ББИ, 2001. – 228 с.
3. *Polkinghorne J. One World* / J. Polkinghorne. – Bristol, 1987. – 114 p.
4. *Равикович А.И. Чарлз Лайель* / А. И. Равикович. – М. : Наука, 1976. – 200 с.
5. *Пикок А. Богословие в век науки* / А. Пикок ; пер. с англ. Л. Ковтун, О. Кандыриной. – М. : ББИ, 2004. – 413 с.
6. *Stanesby D. Science, Reason and Religion* / D. Stanesby. – L., N.Y. : Routledge, 1988. – 210 p.
7. *Полкинхорн Д. Наука и богословие* / Д. Полкинхорн ; пер. с англ. О. Кандыриной. – М. : ББИ, 2004. – 153 с.

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

Девятлова С. В., доктор философских наук, профессор кафедры философии естественных факультетов

*E-mail: welt1936@yandex.ru
Tel.: 8(495) 335-60-91*

Moscow State University named after M. V. Lomonosov

Devyatova S. V., Doctor of Philosophical Sciences, Professor of the Philosophy of Natural Faculties Department

*E-mail: welt1936@yandex.ru
Tel.: 8(495) 335-60-91*